

И.О. Ковалевич

магистр филологических наук, старший преподаватель кафедры
английского языка и методики преподавания иностранных языков МГПУ
им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

**ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО
ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ
(на материале внутрисубстантивной деривации)**

Окказиональные слова являются продуктом словотворческой деятельности. Данные новообразования привлекают внимание слушающего / читающего, прежде всего, присущей им структурной и / или семантической новизной, которая сопровождается еще и постоянной экспрессией. По мнению известного окказионалиста А. Г. Лыкова, данные характеристики находятся в отношении тождества: чем больше новизна, а, следовательно, и отклонение от языковой нормы, тем ярче выражена экспрессия [1, с. 23]. Создавая окказионализм для описания конкретной ситуации, говорящий (пишущий) тем самым подчеркивает свое отношение к ней, дает свою оценку и характеристику.

Окказиональные слова соотносятся с разными речевыми сферами, среди которых наиболее показательными в плане словотворческой деятельности являются детская речь, разговорная речь взрослых, публицистика, художественная литература, в частности поэзия. Каждая из обозначенных сфер речи характеризуется наличием особых норм, установок, условий протекания коммуникативного взаимодействия. Все это, в свою очередь, обуславливает специфику и окказионального словопроизводства, отличающегося по причинам создания, а также структурно-семантическим характеристикам.

Следует отметить, что детское словотворчество является важным этапом речевого развития ребенка, когда у него формируются знания системы языка и последующее усвоение языковой нормы. Данный процесс начинается как неосознанный, а в качестве ведущего механизма выступает имитация [2, с. 6]. Однако очень скоро (согласно нашим наблюдениям, еще в дошкольном возрасте) окказиональные слова выступают в качестве средств языковой игры и важного стилистического приема. Взрослые, в свою очередь, употребляя окказиональное слово, демонстрируют стремление к свежести и оригинальности мысли, выразительности, стилистической яркости, точности и т. д. Однако в сфере разговорно-бытовой коммуникации сохраняются случаи производства окказиональных новообразований, выполняющих исключительно номинативный характер.

Нам представляется интересным сопоставить детские окказионализмы и окказионализмы взрослых из сферы разговорно-бытового общения с целью выявления специфики словотворчества у детей и взрослых. Кроме того, сопоставительный анализ различных групп окказионализмов поможет лучше понять данное речевое явление, выявить общие и отличные тенденции и представить окказиональное словопроизводство в виде единого процесса. В качестве материала для анализа послужили имена существительные отсубстантивной природы, поскольку производство данных дериватов актуально для обеих речевых сфер.

Окказиональные имена существительные появляются в речи ребенка довольно рано и составляют значительную часть от общего количества окказиональных дериватов (А. Н. Гвоздев, С. Н. Цейтлин, Н. М. Юрьева, Е. Clark, Е. Konieczna и др.). В качестве мотивирующей базы лексических новообразований выступают, как правило, глагольные и субстантивные основы, реже основы прилагательных.

Сфера внутрисубстантивной деривации в большей степени определяется тенденцией к парности по полярному признаку, находящей свое выражение в образовании семантически оппозиционирующих окказиональных дериватов. Ярким тому доказательством являются окказиональные слова со значениями «детскости» и «взрослости», принадлежности к мужскому или женском полу, с общим значением противоположности.

Деминутивы появляются в речи детей довольно рано и на начальном этапе доминируют в сравнении с другими производными. В данном случае образцом для подражания служит речь взрослых по отношению к ребенку, что последний активно перенимает, образуя свои собственные дериваты: *Ой / сколько народу прибежало! Один большой народ и одна маленькая народка* // (о себе и об отце) (2,9); *У коровы / вымя // А у меня / ещё маленькие вымки* // (3). Большую группу дериватов со значением уменьшительности составляют производные имена существительные, выражающие значение детскости, где в качестве словообразовательного форманта во многих случаях выступает суффикс *-онок-*: *А что же / я так и проживу всю жизнь маленьким одненком?* (3,5); *Мама / макака // братик / мартышка // папа / горилла // а я горченок* // (3,7); *У кошки / котята // у слона / слонята // у мышки / мышата // – А у воблы / воблята* // (4); *У детей должен быть свой Бог // Славный / добрый Богинёнок* // (8) При этом значение детскости коррелирует в сознании ребенка с уменьшительно-ласкательным значением [3, с. 257]. Доказательством тому служат многочисленные факты образования окказиональных дериватов посредством форманта *-онок-* от основ неодушевленных имен существительных самой разнообразной семантической принадлежности: *Дед / там был такой хорошенький тракторёнок!* (5); *Какой интересный мультёнок!* (3,6); *Это мой сочонок* // (от «сок») (3,6); *Я помыла свой значонок* // (3,10) и т. д. Однако в ряде случаев нами отмечены факты осознанного олицетворения неодушевленных объектов: *Жили-были танк и тантёнок* // (2,5); *Если из рыбиной икры вылупляются маленькие рыбки / то из кабачковой должны вылупиться маленькие кабачата* // (4) и т. д. Данная генерализованная модель прослеживает определенную продуктивность и в дальнейшем: *Это гриб / а рядом / грибочонок* // (9) (ср.: *мячонок*).

В разговорной речи взрослых также довольно активно создаются дериваты со значением невзрослости, имеющие, как правило, отнесенность к категории агентивов и зоонимов. Первая группа представлена по большей части окказионализмами, выражающими качественные характеристики: *лгунёнок, обжирёнок, подлизёнок, ябедёнок* и т. д. Такие новообразования, как правило, мотивируются глаголами и одновременно недеминутивными субстантивами. Расширение производящей базы может осуществляться за счет имен существительных, называющих породы животных (чаще кошек и собак): *овчаренок* (о щенке овчарки), *пекинесенок* (о щенке пекинеса), *москвичоночек* (о щенке московской сторожевой), *чихуашонок, персёнок, бульдожонок, сиаменок* (о сиамской кошке), *джунгаренок* (о хомяке) и т. д. Продуктивность выше отмеченных дериватов в разговорной речи объясняется высокой регулярностью данной словообразовательной модели в языковом узусе и ее открытостью. Кроме того, нами зафиксированы случаи образования подобных дериватов от основ неодушевленных имен существительных, что в целом является продолжением тенденций словотворчества детей: *Я тоже люблю палить кастрюли / у меня даже специальный спаленный кастрюленок есть // А ты зайди на автору [сайт – И. К.] посмотри битые машинята, и сразу все поймешь... там не металл, а фольга¹; мы с малой еще посадили декоративную тыкву, растет буйно все семена взошли... – Декоративную – это типа карафоньки?.. Маленькие такие тыквята?* и др.

Нередко в разговорной речи взрослых деминутивная семантика приобретает иронический подтекст, передавая отрицательное отношение говорящего к тому, что выражено мотивирующей основой: *А глупости в том, что человек из-за какой-то фирмочки невзлюбил целый оконный концерн; ... потому что там не магазин, а магазинюшка, магазиненок даже* и т. д. В последнем случае наблюдается отчетливая дифференциация суффиксов по дополнительным стилистическим оттенкам. Суффикс *-енок* наделяется значением большей пренебрежительности в сравнении с суффиксом *-ушк*-. Коннотации детей не столь тонки и изощренны. В речи детей в подавляющем большинстве случаев отсутствуют дополнительные скрытые смыслы.

Наряду с деминутивами в детском словотворчестве активно образуются окказиональные слова со значением увеличительности, в котором довольно часто актуализируется сема взрослости. Как показывает наше исследование, подобные дериваты создаются в большинстве случаев посредством обратной деривации, когда от производящей основы отделяется часть, выражающая, по мнению ребенка, значение уменьшительности: *Это мизинчик / а это / большой мизин // (2,5); Вот*

¹ Здесь и далее выдержки из интернет-переписки представлены с сохранением оригинальной орфографии и пунктуации.

это / маленький суслик / а это / большой сусёл // (3); Я / маленький Чебурашка / а Артур / большой Чебуран // (3); Мама / это воробушек-сын / а папа / это вороб / потому что у него шея толстая // (6). Выше отмеченный способ образования окказионализмов представляет одну из наиболее характерных особенностей детского словотворчества и отражает специфику детского восприятия в целом. Значение увеличительности также может выражаться посредством форманта *-иц-*: *Если у чудовища светлые волосы / то оно блондинице // (4); Папа, ну ты посмотри / какое звёрище! (о себе лохматой) (5); Я злой червякище! (7); Какой большой гранат! Это не гранат / а гранатище // Просто бомба! (?)* и т. д. Как видно из приведенных примеров, указанный суффикс в детском словотворчестве развивает коннотативное значение, выражающее нечто негативное и пугающее.

Окказионализмы выше отмеченного типа создаются и в речи взрослых. При этом также отмечается использование производных слов в одном контексте с мотивирующими основами с противопоставлением друг другу: *Это не подарок / а подарщице!; Посмотри / какой получился супермен / суперменище даже!* и т. д. Оценочная функция окказионального словотворчества также прослеживается в образовании дериватов с другими суффиксальными формантами: *магазинюха, мебелёвина, картофан, очкарюги* и др.

В детском словотворчестве немалый интерес представляет образование имен существительных, которые имеют значения женского пола и, соответственно, мужского. В ходе проведенного исследования нами установлено, что окказионализмы со значением женскости активно производятся детьми от субстантивных основ, обозначающих лица (в том числе сказочных персонажей) и животных (в том числе и насекомых) (*-ниц-*, *-ушк-*, *-к-*, *-их-*, *-иц-*): *дружница (3), колобушка (3), негорка (3); кашейка (4,5) актерка (5), героика (5), петучиха (3,5), котиха (4,6), комариха (6), котица (3), козлица (3), носорожица (4), Петрица (или может хочешь с Петром [Петром I – И. К.] сфотографироваться? – Нет / не хочу / он очень большой / а вот с Петрицей [т. е. императрицей – И. К.] я бы сфотографировалась // (5)), поварица (10,10)* и др. Интересную особенность окказионального словотворчества детей представляют случаи выражения значения женскости посредством флексии *-а*, которая прибавляется к субстантивной основе, обозначающей лицо мужского пола: *Ты будешь Трубадур / а я / Трубадура // (4); Что здесь за хулиган такой? – Я не хулиган // Я хулигана // (3); Мама / носорога / а малыш / носорожек // (4)* и т. д.

Окказиональные дериваты со значением принадлежности к мужскому полу образуются двумя способами. В первом случае в качестве мотиваторов выступают разнообразные суффиксы, имеющие в

нормативном языке несколько иную семантику: *Ты / бабушка / корова / я теленок / а деда / **коровник** // (4); У голубки есть муж **голубец** // (4,3); Вот скажи мне / если мама / чайка / то кто же тогда папа? **Чайник** / что ли? (6); а также **кикиморник** (4), **мадамчик** (5-6) и т. д. В нормативном языке форманты *-ник-* и *-ец-* называют лицо в его отнесенности к тому, что выражено мотивирующей основой. Сема принадлежности к мужскому полу в данном случае является сопутствующей (ср.: *печник, армеец*). В детском словотворчестве мы наблюдаем нейтрализацию нерелевантной, с точки зрения ребенка, семы и актуализацию той семы, которая необходима для данного случая. В. К. Харченко зафиксировала такие производные, как **мышух** (от «мышь»), **лисюк** (от «лиса»), **пчелун** (от «пчела») [4, с. 292, с. 254, с. 438]. Вторую группу окказиональных имен существительных составляют новообразования, созданные способом обратной деривации путем отделения флексии *-а*: *Мама / ты моя девица и бабушка моя девица // А папа / мой **девиц** // (3); Нет / папа не добрая душа / он / добрый **душ** // (3,5); Смотрите / у меня метла / у мамы метла и у деда метла // Мы три Бабки Ёжки // Нет / мы / Бабки Ёжки / а дед / **Ёг!** (3,5); Мама / синичка // А папа кто? **Синичк?** (3,10); Мама / ты бегаешь как кто? – Как антилопа // – А я тогда как **антилоп** // Да? (5); Бык / это такой **коров** // (7) и т. д.**

Следует указать на тот факт, что понятия взрослости – невзрослости, женского пола – мужского пола усваиваются ребенком, как правило, сквозь призму семейных отношений, в которые он сам вовлечен и которые хорошо описаны в детских произведениях. Объединяя объекты в семью, ребенок тем самым создает соответствующие номинативные единицы: *Это папа-снеговик / это мама-снеговик / а это их детёныш / **снеговёныш** // (2,5). Ср: А как же солдатики поймают рыбку? Ведь у них только ружья // Нет // Лучше я попрошу подъемный кран // У них есть крючки // И к далекому синему морю пойдут два крана / папа-кран / мама-краниха и маленький **краненок** // (м/ф) При этом отмечается склонность детей проецировать вымышленные ситуации и на свою семью: Папа / медведь / Андрюша / Мишутка / мама / **Мишица** // (3); Мама у меня ласточка / папа / **ласт** / а я / **ластик** // (4,5) [5, с. 47].*

Половая дифференциация находит свое выражение и в окказиональном словотворчестве взрослых. В качестве мотивирующих основ выступают имена существительные, обозначающие людей и животных. В качестве мотиваторов значения женскости выступают суффиксы *-их-*, *-иш-*, *-иц-*, *-ин-*: **проводниха, продавчиха, москвичиха** (о московской сторожевой собаке), **ризениха** (о самке ризеншнауцера), **ротвейлерша, пешеходница, извергиня**. Подобные окказиональные новообразования характеризуются номинативностью и шаблонностью, наряду с которыми прослеживается установка на языковую игру. Стимулом для создания окказионализмов экспрессивного характера часто

являются реплики собеседников: *Посмотри на себя! Ты / старый пень! – А ты / что / молодая? Ты тогда пниха!* [в шутку – И. К.]; *Какой я рыбачок [примеряя новый рыбацкий костюм – И. К.]?! – А рыбачих там случайно нет?* и др. Дериваты со значением мужского пола не являются многочисленными по причине нерегулярности словообразовательных моделей. Условия их создания также ограничиваются установкой на комизм: *Ты настоящая мать-героиня / вернее / отец-героинь //*; *Ты / Кирюша / настоящий фей!* и т. д. Данные высказывания вполне соотносимы с речью детей и в какой-то степени отражают специфику детского мышления.

В области внутрисубстантивной деривации также отмечается склонность детей к образованию окказиональных дериватов со значением лица, связанного с тем, что названо производящей основой (-ист-, -ор-, -ец-, -ник- / -ниц- и др.). Профессиональная отнесенность является в данном случае доминирующей: *Мама / я знаю! Того / кто водит машинку такси / называют машинистом / а того / кто водит паровоз / паровозистом //* (3); *Кем ты будешь / когда вырастешь? – Шоферистом или таксёром //* (3,5); *Я милиционер / у меня есть тюрьма // Я / тюрьмец //* (3,6); *Ну / а корову доит у нас коровница //* (9); а также *пылынка* (об уборщице) (4-5), *поездер* (5-6) и т. д. Образование окказионализмов, не имеющих профессиональной отнесенности, также возможно для детской речи: *Егор, ты уже, наверное, в школу ходишь? – Нет / я ещё садист //* (2); *Ну / и наручника мы с тобой / мама, родили! (о младшем брате) (4); Мама / а человек / который умеет делать шпагат / это кто? Шпагатер? (5)* и т. д. При этом некоторые дериваты с трудом поддаются объяснению по причине их структурной диффузности: ср.: *колгонист* – тот, кто носит колготки.

В разговорной речи взрослых большую группу агентивов отсубстантивной природы составляют дериваты, характеризующие лица по их пристрастию к тому, что выражено мотивирующей основой. Это может быть вид или порода домашнего животного, разновидность или марка транспортного средства, продукт питания, место времяпровождения и т. д. В качестве словообразовательного форманта в большинстве случаев выступает суффикс -ник-: *Ведь я совсем не опытный бульдожник и у нас постоянно возникают 1000-и вопросов...; а также чихуашник, шиншилятник, персятник, дворняжник и др.; Эй / колбасник / может хватить уже колбасу таскать?; а также семечник, кефирник, арбузник и др.; У меня нет личного авто // Я автобусник и трамвайник //*; а также *фурник, камазник, джипник, жигульник и др.; Я не пляжник // Я барник // Там тенек / пиво / музыка //*; а также *магазинница, туалетница* и др. Подобные ряды окказиональных дериватов

характеризуются открытостью и могут быть продолжены при необходимости.

Следует отметить, что некоторые из перечисленных новообразований наделяются переносным значением, мало свойственным словотворчеству детей: **хомячник** (о человеке, любящем все собирать), **помидорник** (о человеке с повадками провинциала либо о представителе южной национальности) и т. д.

В сфере префиксальной деривации касательно словотворчества детей следует отметить значимую роль форманта *не-*, который может как присоединяться к мотивирующей основе, так и отделяться от нее. Дериваты передают значение противоположности тому, что выражено мотивирующим словом. В качестве ведущего в данном случае мотива выступает то же стремление ребенка к отрицанию: **ряха** (от «неряха») (4), **вежа** (от «невежа») (4,5), **некрасавица** (7), булочка с **неповидлом** (8). Имеются случаи, когда отделению подвергается так называемый «лжепрефикс», который, являясь фонетическим аналогом имеющегося в нормативном языке префикса, составляет часть корня производящей основы: *Папа / нефтяник // – Нет / фтяник //* (2–3).

Для разговорной речи взрослых также характерно выражение отрицания и противоположности. Однако характер отрицания взрослого и ребенка несколько различается. Если дошкольники зачастую стремятся «нейтрализовать» негативное значение путем отделения соответствующего префикса (ср.: *дотепа, фтянник* (от «нефтяник»), *ряха* и т. д.), то взрослый, наоборот, продуцирует нарочитое отрицание посредством префиксации (*анти-, не-*): **неврач, неучитель, незаконы, антиогород** (... буду думать что это все таки черта водолеев **антиогород**...), **антикошатник** (о нелюбителе кошек), **антишмоточник, антимашинник, антиресторнацик** и т. д. Факты отделения префиксов являются немногочисленными и сводятся к своего рода языковой игре, выступая в функции сиюминутной ответной реакции на реплику-стимул собеседника: *Ну и бессмыслица! – Скажи **смыслицу** тогда!; Ты что? Недотрога? – Найди **дотрогу!**; Что / нехватка молока? Сейчас будет **хватка** //* и т. д. Зафиксированы случаи употребления и других префиксальных единиц с оценочной семантикой, не характерных для речи детей: **недофудбол, недоснег, недодождь, пересекс** (о чем-то вызывающем), **перекрасота** и т. д.

Следует отметить, что по мере взросления ребенка его формантный ряд обогащается, в том числе и за счет так называемых аффиксоидов. При этом наибольшей продуктивностью характеризуется формант *супер-*, хотя нами отмечены случаи употребления и других лексико-словообразовательных компонентов: *Я **суперрубитель!*** (6,5); *Скорее садись на место пилота и соверши увлекательный **суперполет!*** (12); *Врач*

сказал / что мне нельзя много есть / а то у меня будет едомания! (10,5); *Мама / что ты поешь? – Да просто пою песню про себя // – Песню про тебя? – Нет // про себя / это значит... Не знаю / как сказать // – Автопесня //* (8) (ср.: автобиография); *Это мой мегахомяк!* (11,4).

Таким образом, можно заключить, что окказиональное словотворчество детей и взрослых носит системный характер, заключающийся в производстве окказиональных дериватов, относящихся к одним и тем же лексико-тематическим группам. Особое единообразие наблюдается также и в сфере словообразовательных средств. В качестве объединяющего фактора выступает тенденция к выражению семантической полярности по принципу парности. При этом, как и любая другая система, окказиональное словопроизводство демонстрирует тенденцию к развитию в сторону структурного и семантического усложнения. Как результат, словообразовательная база становится шире, обогащается формантный ряд, в том числе и за счет стилистически-маркированных единиц, большинство окказиональных дериватов развивают дополнительные смыслы, нередко выступая в качестве характеризующих средств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лыков, А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово): учеб. пособие для филол. фак. ун-тов / А. Г. Лыков. – М.: «Высшая школа», 1976. – 119 с.
2. Цейтлин, С. Н. Окказиональные морфологические формы в детской речи: учеб. пособие / С. Н. Цейтлин; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Л. : ЛГПИ, 1988. – 77 с.
3. Цейтлин, С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи / С. Н. Цейтлин. – М. : Знак, 2009. – 364 с.
4. Харченко, В. К. Словарь современного детского языка: ок. 10000 слов: свыше 15 000 высказываний / В. К. Харченко. - М. : Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 637 с.
5. Ковалевич, И. О. Полярная симметричность детского мышления и ее отображение в окказиональном словотворчестве / И. О. Ковалевич // Мова і культура. (Науковий журнал). – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2013. – Вип. 16. – Т. II (164). – С. 46-51